

Милюков П.Н.

**Очерки по истории русской
культуры**

**Часть 1. Население,
экономический,
государственный и сословный
строй**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
М60

М60 **Милюков П.Н.**
Очерки по истории русской культуры: Часть 1. Население, экономический,
государственный и сословный строй / Милюков П.Н. – М.: Книга по Требова-
нию, 2012. – 306 с.

ISBN 978-5-4241-9432-0

ISBN 978-5-4241-9432-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

III. Пути сообщения 101.—Сухопутныя дороги, шоссе, желѣзныя дороги, рѣки и каналы 102—103.—Общій характеръ развитія русскихъ путей сообщения 103—104.—Развитіе почтовыхъ сношеній 104—105.—Внутренняя торговля 105—108.—Цѣны за провозъ товаровъ 105.—Медленность товарнаго обращенія 106.—Караванный и ярмарочный характеръ торговли 106.—Изолированность мѣстныхъ рынковъ и разнообразіе мѣстныхъ глѣбныхъ цѣнъ, какъ наиболѣе характерный признакъ этой изолированности 107.—Внѣшняя торговля 108—116.—Ея пассивный характеръ 108.—Роль иностранцевъ во внѣшней торговлѣ Новгорода и Москвы 108—109.—Успѣхи и стремленія русскаго купечества со второй половины XVII в. 109—110.—Медленность въ развитіи судостроенія и торговыхъ компаній 110—111.—Увеличеніе размѣровъ вывоза и ввоза съ конца XVII в. 111—112.—Дѣйствіе охранительныхъ и либеральныхъ тарифовъ 112—113.—Процентное отношеніе между главными предметами вывоза и ввоза 113—115.—Отношеніе внѣшней торговли къ внутренней 115—116.—Исторія денегъ и цѣнъ 116—119.—Кредитныя деньги (мѣдныя и бумажныя) 119—121.—Частный кредитъ 121—130.—Высота процента и прибыли 122.—Правительственныя попытки дешеваго кредита 122—123.—Положеніе кредита въ первой половинѣ XIX вѣка и быстрое развитіе его во второй половинѣ вѣка 123—126.—Дѣятельность Дворянскаго и Крестьянскаго земельныхъ банковъ 127—128.—Учрежденія мелкаго кредита 128—130.—Двѣ стороны въ характеристикѣ экономическаго развитія Россіи 130—131.

Очеркъ третій. Государственный строй (войско, финансы, учрежденія) . . . . . 133—206

I. Отношеніе между государственнымъ и социальнымъ строемъ у насъ и на Западѣ 133—134.—Разница политической эволюціи въ разныхъ частяхъ Европы и ея причины 134—137.—Разница той же эволюціи въ разныхъ частяхъ Россіи 137—141.—Военный характеръ Московскаго государства 141—145.—Связь между военными потребностями и возвышеніемъ военныхъ налоговъ въ 1490-хъ, 1550-хъ, 1620-хъ, 1680-хъ и 1700—1720-хъ годахъ 145—149.—Военныя нужды и расходы послѣ Петра 149—150.—Пропорціональное значеніе военныхъ расходовъ въ бюджетѣ 150—154.—Другія государственныя потребности и соответствующія имъ статьи расходовъ 154—156.—Содержаніе двора 154.—Финансы и государственное хозяйство 155.—Незначительность расхода на выполненіе высшихъ государственныхъ задачъ 156.

II. Характеръ древнѣйшей финансовой системы 157—158.—Исторія прямого обложенія 158—174.—Русскій раскладочный механизмъ 158—160.—Его происхожденіе 160—161.—Древнѣйшій «соха» и ея преобразованія въ среднѣ XVI столѣтіи

162—163.—Перемены въ сошномъ обложеніи въ XVII в. и ихъ причины 163—165.—Введеніе подворнаго обложенія 166—167.—Переходъ къ подушному обложенію и его судьба 167—169.—Современное состояніе прямого обложенія 169—170.—Виды промысловаго налога въ древней Россіи 170.—Попытки процентнаго обложенія въ XVII и XVIII вѣкахъ 173.—Первые шаги къ подоходному обложенію 173—174.—Роль косвенныхъ налоговъ въ исторіи бюджета 174—176.—Регалии, государственныя имущества и пошлины 176—180.—Тяжесть обложенія и ея вліяніе на поиски населеніемъ побочныхъ источниковъ дохода 180—182.—Общій характеръ финансовой политики 183—184.

- III Связь развитія русскихъ государственныхъ учреждений съ военными и финансовыми нуждами 185—186.—Дворцовые и государственныя элементы въ управленіи великихъ княжествъ древней Руси 186—187.—Механическое наростаніе учреждений съ конца XV в. по средину XVI в. 187—188.—Финансовый характеръ административной реформы Ивана IV 188.—Новыя наросты; территориальный характеръ центрального управленія 189—190.—Сліяніе финансовыхъ вѣдомствъ и расчлененіе военныхъ въ теченіе XVII в. 191.—Завершеніе общихъ процессовъ во время Петра 192.—Развитіе областного устройства и разрушеніе центрального, какъ ихъ результатъ 193.—Первая систематическая реформа государственныхъ учреждений: ея неудача 194.—Общій итогъ развитія государственныхъ учреждений до Екатерины II 195—197.—Вторая систематическая реформа областныхъ учреждений (при Екатеринѣ) и центральныхъ (при Александрѣ I) 197—200.—«Законъ» и «Указъ» 200—203.—Характеръ «Свода» и его распространеніе 203—204.

Очеркъ четвертый. Сословный строй . . . . . 206—264

- I. Роль дворянства въ исторіи Запада 206—207.—Вопросъ о русскомъ феодализмѣ 207.—Недостатокъ экономической самостоятельности русскаго дворянства и его зависимость отъ службы 207—209.—Переходъ отъ вольной службы къ невольной 209.—Закрѣпленіе служилого сословія 210—212.—Судьбы русской высшей аристократіи 212—217.—Политика Грознаго 212—213.—Размѣры крупнаго землевладѣнія XVI в. и его неустойчивость 213—214.—Раздробленность дворянскихъ вотчинъ при Петрѣ 214—216.—Значеніе мѣстнической системы, какъ анти-аристократическаго элемента 216—217.—Подготовка дворянскихъ привилегій въ XVII в. и ихъ развитіе въ XVIII в. 217—218.—Новыя богатства высшей аристократіи 219.—Ихъ непрочность и развитіе дворянской задолженности 219—221.—Постепенная потеря привилегированнаго положенія 222.—Попытки его восстановленія и вѣроятная судьба этихъ попытокъ 222—223.

- II. Роль западного города в жизни Европы 225—226.—Происхождение и характер русских городских поселений 226—227.—Москва 227.—Численность и населенность городов 227—228.—Процесс обособления городского сословия 228—231.—Обособление городского тягла и доступность его для других сословий 228—230.—Прикрепление к городскому тяглу торгово-промышленного класса и юридическое выделение городского сословия 230—231.—Особый характер тягла «гостей»: «вѣрная служба» 232.—Происхождение городского самоуправления из «вѣрной службы» 232—233.—Раскрепление городского сословия и его сословная слабость при Екатерине II 233—234.—Теория и практика выборных городских учреждений «Жалованной Грамоты» 234—235.
- III. Количественный и качественный состав земледельческого населения России и Европы 236—237.—Происхождение русской общины 237—239.—Сходство и различие в современном положении разных категорий русского крестьянства 239—241.—Периоды в истории помещичьих крестьян 241.—Прикрепление к тяглу и служилому сословию 241—242.—Правительственные и владѣльческія мѣры прикрепления 243—244.—Фактическое прекращение свободного перехода крестьян и законодательное прекращение свободной конкуренции хозяев за рабочія руки 244—246.—Внѣ-законное развитие помещичьей власти надъ крѣпостными и юридическія противорѣчія въ ихъ положеніи 247.—Замѣна государственнаго характера прикрепления—частнымъ 248.—Стороны крѣпостнаго права, регламентированнаго и оставшіяся безъ регламентации въ законодательствѣ 249.—Непрочность крѣпостнаго права 249—250.—Сравнительная возможность разныхъ способовъ освобождения 250—253.—Сравнительная сила разныхъ мотивовъ освобождения 253—254.—Роль дворянскихъ интересовъ при освобождении 255—256.—Исторія удѣльныхъ крестьянъ 256—257.—Особенности исторіи государственныхъ крестьянъ 257—261.—Частная собственность и введеніе общины у черносопныхъ и однодворцевъ 258—260.—Аграрная политика XVIII и XIX вѣка 261—262.—Вопросъ о будущемъ общины 262—264.
- Итоги** . . . . . 265—275
- Резюме сдѣланныхъ выводовъ 265—268.—Общія черты ихъ 268.—Своеобразие русскаго историческаго процесса и преувеличение этой основной черты во взглядѣ націоналистовъ 268—269.—Элементарность русскаго процесса и преувеличение этой черты во взглядѣ западниковъ 269.—Первый взглядъ страдаетъ недостаткомъ анализа, второй—недостаткомъ синтеза историческихъ условий 269—272.—Вопросъ о сохраненіи традиціи и о заимствованіи новыхъ формъ 272—273.—Что такое настоящая культурная традиція? 274—275.
- Предисловіе къ третьему изданію** . . . . . 276—286
Предисловіе къ четвертому изданію . . . . . 287—293

Карты, картограммы и диаграммы.

	стр.
Движеніе населенія съ середины XVI в.	27
Увеличенія плотности населенія со времени Петра I	32
Сравнительная населенность евр. Россіи въ 1724, 1858 и 1897 году. къ стр.	32
Карта русскихъ нарѣчій	45
Разселеніе русскаго племени на территоріи евр. Россіи съ середины XVI вѣка. . . . . къ стр.	64
Княжества XI—XIII столѣтій (въ ихъ отношеніи къ племенамъ).	—
Распредѣленіе главныхъ статей расходовъ въ бюджетахъ 1680—1902 г.	151
Распредѣленіе главныхъ статей дохода въ бюджетахъ 1680—1901 г.	171

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЯТОМУ ИЗДАНІЮ.

Для настоящаго изданія текстъ «Очерковъ» вновь просмотрѣнъ и значительно дополненъ сравнительно съ предъидущимъ изданіемъ. Важнѣйшее изъ дополненій относится къ вопросу о происхожденіи государства въ Россіи сравнительно съ Зап. Европой и о различіяхъ между отдѣльными частями Россіи по отношенію къ социально-политической эволюціи. Авторъ былъ вызванъ на это дополненіе многочисленными критическими замѣчаніями, съ сущностью которыхъ онъ согласиться не могъ, но которыя, тѣмъ не менѣе, указывали на пробѣлы и недостаточность аргументаціи въ данномъ мѣстѣ «Очерковъ». Другія болѣе или менѣе значительныя дополненія сдѣланы относительно исторіи кредита въ Россіи, относительно новѣйшей финансовой политики и податнаго дѣла, относительно сформированія дворянскаго класса, отношенія города и деревни, вопроса объ общинѣ и т. д. Статистическія данныя освѣжены по новѣйшимъ источникамъ. Затѣмъ, цѣль рядъ измѣненій имѣлъ цѣлью—упростить языкъ «Очерковъ», сдѣлать изложеніе болѣе отчетливымъ и, такимъ образомъ, по возможности облегчить работу читателя. Чтобы не загромождать доступа къ самому тексту «Очерковъ», предисловія къ четвер-

тому и третьему изданіямъ перенесены изъ начала въ конецъ книги. Содержаніе ихъ помогаетъ уяснить точку зрѣнія автора на тѣ или другіе существенные вопросы, связанные съ 1-мъ томомъ «Очерковъ», и потому авторъ не счелъ себя вправѣ исключить вовсе эти предисловія. Но въ то же время значительная часть споровъ, возбужденныхъ критиками «Очерковъ», въ настоящее время сохранила только историческій интересъ, и обращаться съ ними ко всей читающей публикѣ казалось автору уже неудобнымъ.

Лондонъ,
9 (22) февраля 1904 г.

Введение: Общія понятія.

«Прагматическая» и «культурная» исторія.—Споры о содержаніи культурной исторіи.— Споры о цѣли и способахъ изученія культурной исторіи.— Теоретическія задачи исторической науки и прикладныя задачи политическаго искусства.— Смѣшеніе тѣхъ и другихъ въ «философіи исторіи».— Служая границы телеологическаго объясненія, «философія исторіи» превращается въ научную теорію прогресса.—Закономѣрность, какъ цѣль научнаго объясненія исторіи.—Существуютъ ли историческіе законы?—Трудность социологическаго анализа.— Социологическая дедукція, какъ средство облегченія анализа.— Дедукція основныхъ социологическихъ тенденцій.— Видоизмѣненіе этихъ тенденцій подъ влияніемъ среды.— Вліяніе окружающей обстановки.— Понятіе случайности въ исторіи.— Роль личнаго фактора.— Безсознательное и цѣлесообразное, лично и общественно-цѣлесообразное, единичное и массовое дѣйствіе личности.—Цѣль и содержаніе «Очерковъ».

Принимаясь за исчисленіе войскъ, пришедшихъ съ Агамемнономъ подъ Трою, греческій пѣвецъ Троянской войны счелъ нужнымъ сдѣлать такое предисловіе:

«Нынѣ повѣдайте, музы, живущія въ сѣняхъ Олимпа:
Вы, божества, ведѣсущи и знаете все въ поднебесной;
Мы ничего не знаемъ; молву мы единую слышимъ;
— Вы мнѣ повѣдайте, кто и вожди и владыки данаевъ?
Всѣхъ же бойцовъ рядовыхъ не могу ни назвать, ни исчислить,
Еслибъ и десять имѣлъ языковъ я, и десять гортаней,
Еслибъ имѣлъ неслабѣющій голосъ и мѣдныя перси.
Развѣ, небесныя музы, Кроніда великаго дщери,
Вы бы напомнили всѣхъ приходившихъ подъ Трою ахейцевъ?
— Только вождей корабельныхъ и всѣ корабли я исчислю.»

Приблизительно такъ же, какъ Гомеръ, рассуждало огромное большинство историковъ стараго и новаго времени. Ни силъ, ни знаній человѣческихъ не хватило бы для того, чтобы изобразить «всѣхъ рядовыхъ бойцовъ» въ исторіи человѣчества. Поэтому исторія должна ограничиться рассказомъ объ однихъ «вождяхъ и владыкахъ». Личная исторія вождей, ихъ дѣянія и судьба, ихъ взаимныя отношенія — таково должно быть главное содержаніе историческаго рассказа. А идеальной цѣлью историка должно быть —

изобразить эти приключенія «вождей» съ возможно большею живостью и драматичностью, въ возможно болѣе совершенной художественной формѣ. Но что же дѣлать со всей остальной безымянной массой обыкновенныхъ людей, за которыми не числится никакихъ подвиговъ, которые не оставили по себѣ никакихъ историческихъ воспоминаній? Историки-разсказчики игнорировали ихъ вовсе, замѣчая иногда, въ свое оправданіе, или для успокоенія читателей, что исторія толпы сама собой уже отразится въ біографіи героевъ, какъ ея лучшихъ и наиболѣе яркихъ представителей.

Не такъ давно, однако же, появилось среди историковъ направление, не предъусмотрѣнное Гомеромъ. Направленіе это рѣшительно утверждало, что истинный предметъ исторіи—не біографіи «вождей», хотя бы извѣстныя намъ въ магійшихъ подробностяхъ, а именно жизнь народной массы, повидимому, вовсе намъ неизвѣстная. Сторонники новаго направленія прибавляли къ этому, что такая исторія безъ собственныхъ именъ, безъ событий, безъ сраженій и войнъ, безъ дипломатическихъ хитростей и мирныхъ трактатовъ,—не только не будетъ недостоверна, но что она, напротивъ, будетъ несравненно достовернѣе той исторіи, къ которой насъ приучали до сихъ поръ историки-повѣствователи. Въ доказательство они приводили то соображеніе, что самая подробная личная исторія есть, во-первыхъ, самая сомнительная въ сущности, такъ какъ никакой свидѣтель-очевидецъ не можетъ ни видѣть, ни запомнить, ни передать безошибочно всѣхъ подробностей жизни извѣстнаго лица или всѣхъ частныхъ даннаго событія; во-вторыхъ, что такая исторія будетъ совершенно анекдотична и случайна, такъ какъ существованіе и дѣятельность личности зависитъ отъ тысячи мелкихъ и случайныхъ причинъ. Наоборотъ, исторія народной массы,—утверждали они,—будетъ, прежде всего, заключать въ себѣ только одно существенное и несомнѣнное; затѣмъ, такую исторію можно будетъ изучать болѣе точнымъ научнымъ методомъ: методомъ наблюденія массовыхъ явленій, т. е. *статистическимъ*. Наконецъ, въ силу такого своего содержанія и метода, исторія народной массы дастъ намъ возможность впервые понять причины и смыслъ историческихъ явленій; такимъ образомъ исторія перестанетъ быть предметомъ простой любознательности, пестрымъ сборникомъ «дней прошедшихъ анекдотовъ»,—и сдѣлается предметомъ, способнымъ возбудить научный интересъ и принести практическую пользу.

Въ сравнительно короткое время новое направленіе завоевало себѣ почти всеобщее признаніе. Исторія «событій» отошла на второй планъ передъ исторіей «быта»,—учрежденій и нравовъ.

Изученіе *внѣшней* исторіи (или, такъ называемой, прагматической, политической) должно было уступить мѣсто изученію *внутренней* (бытовой или культурной).

Таковъ общій смыслъ переворота, совершившагося въ нашихъ историческихъ понятіяхъ. «Культурная исторія» составляетъ предметъ занятій или, по крайней мѣрѣ, стремленій большинства историковъ нашего времени. Но согласіе между ними очень скоро кончается, какъ только рѣчь заходитъ о томъ, что должно составлять *содержаніе* культурной исторіи, и съ какой *целью* ее слѣдуетъ изучать. Относительно содержанія культурной исторіи среди историковъ господствуетъ величайшее разногласіе. Одни готовы считать главнымъ предметомъ культурной исторіи—развитіе государства, другіе—развитіе социальныхъ отношеній, третьи—экономическое развитіе. Съ другой стороны, понятіе культурной исторіи суживается до явленій духовной культуры, и подъ культурной исторіей начинаютъ разумѣть исключительно исторію умственной, нравственной, религіозной и эстетической жизни чловѣчества. Въ этомъ узкомъ смыслѣ понятіе культурной исторіи особенно было употребительно въ нашей литературѣ. Какъ противоположность «культурной» исторіи въ узкомъ смыслѣ, у насъ часто употребляли терминъ «матеріальной» исторіи. Не разъ уже оказывалось, однако, что такое употребленіе терминовъ ведетъ къ излишнимъ недоразумѣніямъ и бываетъ причиной довольно бесплодныхъ пререканій. Въ виду этого всего лучше, кажется, будетъ вернуться къ первоначальному употребленію слова «культурная» исторія, т. е. пользоваться имъ въ томъ, болѣе широкомъ, смыслѣ, въ которомъ оно обнимаетъ всѣ стороны внутренней исторіи: и экономическую, и социальную, и государственную, и умственную, и нравственную, и религіозную, и эстетическую. Этимъ устранятся, конечно, только одни терминологическія недоразумѣнія; вопросъ о томъ, какая, или какія изъ перечисленныхъ сторонъ общественной жизни должны считаться главными, или основными, и какія—вторичными или производными,—этотъ вопросъ остается открытымъ. Еще не такъ давно въ основу историческаго процесса историкъ полагали развитіе духовнаго начала; въ послѣднее время господствовало противоположное мнѣніе, по которому матеріальныя условія производства опредѣляютъ все содержаніе исторіи. Оба эти взгляда представляются намъ, однако, одинаково односторонними, и споръ о первенствѣ того или другого элемента культурной исторіи кажется намъ тоже не особенно плодотворнымъ. Мы должны, конечно, отличать болѣе простыя явленія общественнаго развитія отъ болѣе сложныхъ; но попытки свести всѣ пере-

численные стороны исторической эволюции къ какой-нибудь одной мы считаемъ совершенно безнадежными. Если гдѣ-нибудь можно различать простое и сложное, то это не въ разныхъ *сторонахъ* человеческой природы, а въ различныхъ *степеняхъ* ея развитія. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ развитіе каждой стороны исторической жизни начинается съ простаго и кончается сложнымъ. Чѣмъ ближе къ началу процесса, тѣмъ элементарнѣе проявленія различныхъ сторонъ жизни,—матеріальной и духовной,—и тѣмъ тѣснѣе эти стороны связаны другъ съ другомъ. Чѣмъ далѣе развивается процессъ, тѣмъ болѣе различныя стороны процесса выдѣляются другъ отъ друга и тѣмъ сложнѣе становятся продукты ихъ взаимодействія.

Какъ бы мы ни рѣшили, впрочемъ, споръ о взаимномъ отношеніи разныхъ сторонъ «культурной исторіи», мы никогда не поймемъ, почему этотъ споръ принялъ такой острый характеръ, если останемся при его обсужденіи на чисто теоретической почвѣ. Отдавая преимущество исключительно матеріальнымъ, или исключительно духовнымъ явленіямъ культуры, стараясь свести одни изъ этихъ явленій къ другимъ, обѣ спорящія стороны, большею частью, руководились задними мыслями, которыя и давали тонъ всей полемикѣ. Центръ тяжести спора заключался, въ сущности, не столько въ пререканіяхъ по поводу *содержанія* культурной исторіи, сколько въ разногласіяхъ по поводу *цѣли и способовъ* историческаго изученія. На этой почвѣ столкнулись уже не различныя научныя гипотезы, болѣе или менѣе вѣроятныя, а различныя міровоззрѣнія, совершенно непримиримыя другъ съ другомъ. И самыя гипотезы духовной или матеріальной основы исторіи являлись только послѣдовательнымъ приложеніемъ этихъ міровоззрѣній къ объясненію историческихъ явленій.

Культурная исторія, сказали мы выше, можетъ возбудить научный интересъ и принести практическую пользу. Оба эти побужденія для занятій культурной исторіей—и научный интересъ, и практическая польза—одинаково умѣстны и законны. Но не надо забывать, что это—два различныя побужденія. Тамъ, гдѣ ученый спрашиваетъ о *причинѣ* явленія,—практической дѣятель спрашиваетъ о *цѣли*, вызвавшей это явленіе къ жизни. Первый, ставя свой вопросъ «почему»,—стремится къ уясненію *закономѣрности* историческаго процесса. Второй, съ своимъ вопросомъ, «зачѣмъ»,—старается постигнуть его *цѣлесообразность*. Первый ищетъ въ исторіи только причинной связи явленій; второй добивается ихъ «смысла». И если первый никоимъ образомъ не можетъ признать историческое явленіе безпричиннымъ, то второй, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, долженъ будетъ признать это самое явле-